

В конце концов, разница между лекарством и смертью —
лишь в дозе.

Даниял Канттемиров

«Академия Абсурдной Медицины»

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Даниял Кантемиров

Академия Абсурдной Медицины

«Автор»

2025

Кантемиров Д.

Академия Абсурдной Медицины / Д. Кантемиров — «Автор»,
2025

Молодая медсестра Римма устраивается на работу в Академию Абсурдной Медицины — место, где диагнозы ставят по гороскопам, рентген заменяют гафельными картами, а вместо крови в венах течёт ироничная метафора. Здесь лечат «синдром хронической глупости», «аллергию на реальность» и «острое нежелание жить по понедельникам». Пациенты? Сборище ипохондриков-гениев, мнимых трупов и одного философа, уверенного, что его рак — это потерянная душа Кафки. Римма, с её цинизмом и мигренью, которая временами заставляет её видеть разговоры с покойниками, быстро понимает: правила здесь пишутся на салфетках, а главный принцип — «Если пациент не умер от лечения, значит, оно сработало». Но за весёлым хаосом скрывается тень Ольги Борисовны — старшей медсестры, мечтающей превратить академию в плацдарм для своей диктатуры над младшим персоналом. Её план? Сделать так, чтобы даже смерть танцевала под её дудку.

© Кантемиров Д., 2025

© Автор, 2025

Даниял Кантемиров

Академия Абсурдной Медицины

1.

Я, Римма, старшая медсестра стационарного ада, она же «Академия Абсурдной Медицины».

Я – не та, кто с улыбкой до ушей и словами утешения на каждый чих. Нет, я из тех, кто видит мир таким, какой он есть: грязным, жестоким и бесконечно циничным. Работаю в месте, где смерть бывает частым гостем, и знаете что? Я устала быть просто её помощницей. Ангелом смерти? Нет, спасибо. Теперь я хочу быть богом в белом халате – тем, кто решает, кто выживет, а кто отправится в лучший мир, или в худший в зависимости от того, как ляжет карта.

Мигрень. Это не просто головная боль. Это, как если бы кто – то взял твой мозг, вывернул его наизнанку, посыпал солью и начал жарить на раскалённой сковородке. А потом ещё и решил поиграть в пинг – понг твоими нейронами.

Я терпела. Долго. Слишком долго. Таблетки? Ха. Они работают, только если ты веришь в сказки. А я перестала верить в сказки, когда впервые увидела, как человек умирает от передозировки парацетамола.

Иногда я думаю, что стала слишком циничной. Но потом вспоминаю, что мир – это не место для слабаков. Здесь выживают только те, кто готов бороться. И я готова. Я готова бороться за своих пациентов, даже если они этого не заслуживают. Потому что я – бог в белом халате. И моё слово здесь – закон.

У меня слишком много работы. Снова мигрень, боль невыносимая.

Медсестры – рекордсмены: В 2020 году, во время пандемии COVID – 19, медсестры по всему миру работали в экстремальных условиях, устанавливая рекорды по количеству смен и часов, проведенных на работе. Наш вклад в борьбу с пандемией невозможно переоценить, но нас почему – то считают обслуживающим персоналом, и делают это в такой пренебрежительной форме.

Осталось не более шести минут. Это мой внутренний монолог, он наполнен эмоциями, и воспоминаниями.

«Как же странно... Всё вокруг такое размытое. Я помню, как сегодня утром шла на смену. Кажется, это было сегодня? Или вчера? Время... оно течёт так странно. Я чувствую, как силы покидают меня. Но я должна держаться... для них, для пациентов. Сколько их было за эти годы? Сотни? Тысячи? Я старалась помочь каждому... Но сейчас... мне самой нужна помощь.»

Первая медсестра: Флоренс Найтингейл считается основательницей современного сестринского дела. Во время Крымской войны она организовала уход за ранеными солдатами, что значительно снизило смертность.

Осталось четыре минуты.

Голос из прошлого, мои воспоминание:

«Рим, ты уверена, что хочешь стать медсестрой? Это тяжело, ты знаешь.»

«Да, мама, я уверена. Я хочу помогать людям. Это моё призвание.»

В сознании возник странный образ девушки с яркими зелеными глазами и кокетливой улыбкой.

Еще с подросткового возраста я начала изучать медицину, будь у меня большие финансовые возможности, могла бы стать врачом анестезиологом – реаниматологом, но, к сожалению, деньги определяют многие наши пути, поэтому я медсестра.

В голове такой сумбур, все мысли навалились одновременно.

Шепотом говорю:

«Мне так страшно. Я не хочу уходить. Ещё так много нужно сделать... Так много людей, которым я могла бы помочь.»

Голос в реальности или в моем сознании:

«Держись! Ты должна бороться».

«Бороться... Да, я всегда боролась. За каждого пациента, за каждую жизнь. Но сейчас... я так устала. Может, это и есть конец? Нет, я не хочу... Я хочу ещё увидеть их улыбки, услышать слова благодарности... лол, какие слова благодарности, я ведь обслуживающий персонал»

Фрагмент моего воспоминания:

Один из пациентов раздражённо, повышая тон: Вы что, вообще слышите меня? Я сказал – принесите мне воды, и сейчас же! Вы тут чтобы обслуживать, а не умничать! Мне платят за лечение, или я вам благотворительность делаю?

Мама меня всегда учила быть сдержанной:

– Уважаемый, моя задача – обеспечить ваше лечение и безопасность, а не выполнять личные прихоти. Воду я принесу, но тон разговора прошу сохранять уважительный.

Пациент саркастично отвечает:

– Ой, «уважительный»! Да вы просто обслуживающий персонал в белых халатах. Без нас, пациентов, вас бы тут и не было! Где ваш начальник? Я требую жалобную книгу!

Сохраняя спокойствие, я ответила:

– Жалобу вы можете оформить у администратора. Но хочу напомнить: медицина – не ресторан, а ваше здоровье зависит от совместных усилий. Если вы не готовы соблюдать правила отделения, это может повлиять на результат лечения.

Пациент перебивая:

– Какие ещё правила?! Я заплатил – вы обязаны прыгать вокруг меня! Вы вообще понимаете, кто я такой?

Я чётко, без агрессии ответила ему:

– Статус и финансы не отменяют медицинских протоколов. Если вы хотите обсудить лечение или условия – готовы выслушать. Но оскорбления и ультиматумы недопустимы. Позвать врача для разговора?

– Да зовите хоть президента! Вам всё равно пора менять профессию – из уборщиц вы лучше получились бы!

Осталось три минуты. Еще капельку, и мое чудо творение возведет абсурд до абсолютизма.

Пациенты путают медицину с сервисом, и это сильно злит, но приходится демонстрировать профессионализм, отказываясь принимать роль «обслуги». Важно подчеркнуть грань между заботой о пациенте и сохранением личных границ медработника.

Почему я хотела стать анестезиологом? Они знают, как «разбудить» пациента, являются экспертами по боли, «врачи – невидимки» для пациентов. Многие пациенты даже не помнят своего анестезиолога, так как встречаются с ним перед операцией, а затем «отключаются», а еще анестезиологи – это «Ангелы смерти».

Я знаю несколько способов погрузить человека в бездну снов.

Ингаляционные анестетики – летучие вещества, которые пациент вдыхает через специальную маску или дыхательный аппарат. Они быстро проникают в кровь через легкие и воздействуют на центральную нервную систему. Примеры: Севофлуран, изофлуран, десфлуран, закись азота.

А вот мое любимое.

Внутривенные анестетики – эти препараты вводятся непосредственно в вену и быстро вызывают потерю сознания. Примеры: Пропофол, тиопентал натрия, кетамин.

Работает это так:

Анестезиолог подбирает комбинацию препаратов в зависимости от типа операции, состояния пациента и других факторов.

Осталось две минуты.

«Сколько раз я видела, как жизнь ускользает из чьих – то рук... И вот теперь моя очередь. Господи, дай мне сил... или позволь уйти с достоинством. Я сделала всё, что могла. Всё, что было в моих силах...»

Я смогла состряпать препарат, и дала ему броское название «.....» идеальный эликсир, соединяющий людей с их мечтами, и избавляющий от боли.

2.

Медицинский колледж я закончила на отлично. Красный диплом с двойной специализацией – «фельдшерское дело» и «сестринское» – лежал на столе, излучая тепло от золотых букв. Я перебирала пальцами его обложку, вспоминая ночи за учебниками, бесконечные практики в больнице, дрожь в руках при первых перевязках.

Город X был огромным, как живой организм: вены – улицы, пульсирующие потоками машин, нервные узлы перекрестков, стеклянные глаза небоскребов. Именно здесь, среди этой бесконечной суеты, я решила остаться после колледжа. Не из ностальгии – просто верила, что в большом городе больше шансов найти свое место. И нашла.

Медицинское учреждение с поэтичным названием «Академия Абсурдной Медицины», два крыла, один организм располагалось на окраине, в старом здании, которое когда – то было монастырем. Поликлиника и больница стояли бок о бок, как сиамские близнецы, соединенные стеклянным коридором – артерией. Местные шутили, что это единственное место, где можно получить справку и тут же лечь под капельницу, «не теряя драгоценного времени на дорогу». Архитектор, говорят, вдохновлялся человеческим телом: поликлиника – «голова» с кабинетами – извилинами, больница – «туловище» с палатами – органами, а подземный переход с лабораториями и моргом иронично называли «кишечником».

Тут пахнет временем. Не тем, что течет сквозь песочные часы, а густым, застоявшимся – как сироп от кашля в шкафу 1980—х. Заведующая, женщина с лицом усталого ангела на пенсии, провела рукой по моему халату, наверное, проверяла ткань на прочность.

– Здравствуй, Римма! Проходи, садись. Ну что, первый день, волнуешься?

– Здравствуйте, Татьяна Ивановна! Да, немного... Но очень хочется начать работать.

– Это нормально. У нас тут коллектив дружный, все помогут. Давай начнём с оформления. Документы принесла?

– Да, вот паспорт, диплом, медицинская книжка и СНИЛС.

– Отлично. Сейчас заполним трудовой договор, а потом я покажу тебе отделение и познакомлю с коллегами.

– Скажите, а какие обязанности у меня будут? Я хочу быть уверенной, что всё сделаю правильно.

– Основное – это помощь врачам на приёме, забор анализов, обработка инструментов, ведение документации. Ещё будешь помогать в процедурном кабинете, терапевту в больничном крыле, иногда помощь бывает нужна и в морге. Всё покажу, не переживай.

– В морге?

– Да, у нас большая нехватка специалистов, все медики после окончания бегут устраиваться в салоны красоты или частную клинику. Поэтому приходится выкручиваться.

– А как насчёт графика? Я слышала, что у медсестёр он бывает сложным.

– У тебя будет, два через два, а возможно придется беспрерывно находиться тут целый месяц. В любом случае, прежней ты больше не будешь.

Устроившись медсестрой в поликлинику, первый день потратила на то, чтобы не заблудиться. Карта на ресепшене напоминала схему метро:

– Красная линия – терапевты, синяя – хирурги, – объясняла мне заведующая Татьяна Ивановна, тыкая в лабиринт коридоров. – А вот этот чёрный пунктир – путь до буфета. Главное, не сворачивай к моргу: Игорь там как – то спрятал торт на день рождения и теперь все боятся холодильников.

Стеклянный коридор между зданиями прозвали «Мостом вздохов». Днём здесь толклись пациенты с направлениями на госпитализацию, а ночью – врачи, перебежавшие с дежурства на дежурство. Ветер гулял по переходу, разнося обрывки фраз:

– «У вас в поликлинике опять карточки перепутали!»

– «А у вас в больнице кофе как дезинфекция – горячий, но бесполезный!»

Поликлиника жила в ритме «быстро и сердито»: утренние очереди, дневные профосмотры, вечерние справки для бассейна. Зато больница дышала медленно и тяжело: звонки реанимации, шуршание капельниц, тиканье аппаратов. И лишь подземный этаж, где лаборатории соседствовали с моргом, нарушал все законы времени. Там вечно пахло формалином, а лаборант Лёша, фанат фильмов ужасов, встречал гостей фразой:

– Вам биоматериал срочно или можно подождать, пока «оживёт»?

Организм из двух зданий работал как часы, хоть и с чудаковатыми шестерёнками. Например:

Общая регистратура – место, где бабушки с гипертонией и мамы с детьми в очереди за справками сплывали против администраторов. «Почему больничный на три дня оформляете два часа?» – «Потому что мы тренируем ваше терпение. Бесплатно!»

Кафе «Витаминка» на первом этаже. Бариста, бывший санитар, варил кофе «по рецепту»:

– «Американо» – как лёгкое недомогание.

– «Латте» – как ОРВИ с осложнениями.

– «Эспрессо» – как вызов скорой.

Тайная комната за рентген – кабинетом. Туда сбегали врачи, чтобы спрятаться от начальства. Обнаружив её, главврач неожиданно установил там кулер с надписью: «Только для тех, кто не спал сутки». Но главной магией этого места были люди, которые научились жить меж двух миров. Хирург, например, каждое утро начинала с обхода поликлиники:

– Проверяю, кто из пациентов сегодня «дозрел» до аппендицита, – смеялась она.

А однажды ночью стала свидетелем странной миграции: из больницы в поликлинику, через «Мост вздохов», шёл интерн с одеялом и подушкой.

– Это что, секретная пересменка? – удивилась я.

– Нет, – зевнул он. – В больничной ординаторской кондиционер сломался. Иду спать к кардиологам – у них тихо и розовые тапки в шкафу остались.

Кабинет терапевта оказался за дверью с табличкой «Е. Соколова». Я ожидала увидеть седовласую женщину с трубкой, но вместо этого встретила девушку в очках, чьи глаза напоминали два шприца – острых, прозрачных, намеренно стерильных. Она протянула руку, и я невольно отметила: пальцы без колец, ногти короткие, как истории болезней в регистратуре.

– Елизавета, – представилась она, поправляя стетоскоп на шее. – Вы же из новеньких? Здесь иначе. Тут люди не умирают за секунды. Они делают это медленно, по слогам: диабет, гипертония, одиночество...

Заведующая фыркнула, роняя ключи в ящик стола: «Не пугай новенькую, Лиза. У нас и радости случаются. В прошлом месяце бабушка Сидорова принесла пирог с капустой».

Пока они спорили, я разглядывала трещину на стене в форме кардиограммы.

– Вам повезло, – внезапно сказала Елизавета, когда мы остались одни. Она включила компьютер, и экран осветил ее лицо синим холодом. – Здесь будете возделывать пустыню.

Первый пациент – подросток с вегетососудистой дистонией. «Это когда ничего не болит, но всё болит», – шепнула я себе, накладывая манжету. Его пульс скакал, как мячик в дрожащих руках. Мать за дверью листала журнал 2013 года. «У вас дети есть?» – неожиданно спросила

Елизавета, вписывая в карту цифры. Я покачала головой. «Тогда запомните: подростки – это живые индикаторы семейных драм. Их давление повышается от невысказанных „прости“».

К обеду я поняла разницу между больничной и поликлинической болью. Первая – огненная вспышка, вторая – тлеющий уголек. Одна требует немедленных действий, другая – терпения, чтобы не задохнуться в дыму.

Уходя, увидела, как Елизавета стоит у окна, сжимая в руке бумажный стаканчик. На подоконнике – кактус в горшке с надписью «Спасибо за лечение!». «Он цветет раз в пять лет, – сказала она, не оборачиваясь. – Как некоторые пациенты – выздоравливают».

3.

Я молодая медсестра, в белом халате с принтом в виде танцующих хот – догов (подарок племянника), лихорадочно перебирала карты пациентов. Мой рыжий хвост вздрагивал в такт нервным мыслям: «Второй рабочий день. Не упади. Не перепутай амбулаторную с урной. Не назови доктора „мамой“...»

Дверь распахнулась с театральным скрипом. Доктор Елизавета, терапевт с 5—летним стажем и коллекцией кофе – мемов на кружке, вошла, жуя круассан. Её халат украшала брошь в виде скелета, машущего рукой. Доктор Лиза, так она попросила ее называть, терапевт со словарём сарказмов, допивала третий кофе, чтобы не уснуть на ходу.

– Следующий! – рявкнула Лиза, швыряя в коридор пустую баночку от анальгина.

В кабинет вкатился мужчина лет сорока, прижимая к груди руку, замотанную в три слоя бинтов.

– Доктор, я порезал палец! – завопил он, разматывая «повязку». Под ней оказалась царапина размером с волосок.

Лиза вздохнула:

– Серьёзно? Вызывать скорую будете или сразу гроб закажете?

– Но вдруг сепсис?! – пациент задрожал.

– Сепсис у вас только в голове, – она протянула ему пластырь с Микки Маусом. – Вот, антисептик. Или хотите ампутацию? Бесплатно, инструменты простерилизованы вчерашним супом.

Пациент сбежал. Лиза открыла окно, чтобы выбросить пустую чашку, но передумала – вдруг пригодится как экспонат для лекции «Стадии кофеиновой зависимости».

Следующей вошла бабушка с авоськой, из которой торчал кот.

– Доченька, у меня тут давление, сердце, суставы... И Мурзик кашляет!

– Мурзик, – Лиза прищурилась, – у вас ОРВИ или депрессия? Кота выгуливали в дождь?

– Он у меня метеозависимый! – бабка потрясла авоськой. Кот вырвался и удрал, снося по пути стенд с рекламой «Бессмертие за 10 сеансов иглокальвания».

– Выпишите мне таблетки, – потребовала бабка.

– От всего сразу? – Лиза нарисовала в рецепте кружочек. – Вот, витамин «М». Мечтайте о нём трижды в день. И купите коту антидепрессанты. Или водки.

Когда бабушка ушла, Лиза достала из стола спрятанный пряник в форме черепа:

– Римма, держи. Это тебе вместо медали «За борьбу с мракобесием».

Дверь распахнулась без стука. Ввалился подросток в рваных джинсах, тыча в грудь смартфоном:

– Мне справку, что я псих! А то мамка не верит.

– Психи – моя специализация, – Лиза достала штамп. – Выберите диагноз: «Острый Tik – Ток мозга» или «Хроническое нежелание учиться»?

– Можно с печатью?

– За доплату – с автографом Чингисхана.

Лиза, тем временем, принимала женщину, которая жаловалась на «разрушение ауры».

– После прививки от гриппа у меня треснула чакра!

– Чакры не в моей компетенции, – Лиза потянулась к шприцу. – Но могу предложить укол в пятую точку. Для баланса энергий.

К концу дня в кабинет заглянул уборщик:

– Девчонки, у нас труп в морге заговорил. Говорит, ему холодно.

– Накройте его протоколами Минздрава, – предложила Лиза. – Там столько бреда, что согреется.

Когда поликлиника опустела, Лиза спросила:

– Рим, а мы когда – ни будь сойдём с ума?

– Я даже не знаю Елизавета, это мой второй день.

– Зачем нужна такая фамильярность, зови меня просто Лиза.

Закрывая кабинет, Лиза оставила на столе записку: «Завтра – тот же ад. Приносите кофе. Или святую воду».

Третий день.

Первый посетитель – мужчина в плаще и солнцезащитных очках внутри здания.

– Доктор, у меня синдром Стендаля! – зашептал он, тыкая пальцем в распечатку из Википедии. – Вчера в «Пятёрочке» увидел акцию на гречку – сердце застучало, зрачки расширились!

Лиза, вспомнив учебник, замерла: «Синдром Стендаля... от искусства... но гречка?!» Не отрываясь от заполнения карты, протянула руку к стетоскопу: – Поздравляю, вы открыли синдром Пятёрочки. Лечение простое: дважды в день смотреть на ценник огурцов в январе. Сердце адаптируется.

В кабинет ворвался пенсионер, размахивая результатом МРТ: – У меня в колене артроз, но я записался на хип – хоп батл! Что делать?! Лиза, представляя дедушку в толстовке с капюшоном, закашлялась, подавляя смех. Она подняла бровь: – Рекомендую стиль «робот» – минимальная нагрузка на суставы. И купите наколенники с блёстками. Для боевого духа.

Когда поток пациентов иссяк, я, разливая в чашки кофе с надписью «Не разговаривайте со мной, пока я не стану зомби», спросила: – Лиза, вы всегда так... креативно лечите?

Она достала из ящика шоколадку: – Медицина – 10% науки, 90% актёрского мастерства. Сегодня ты узнала, как лечить гречневый синдромом. Завтра научу ставить горчичники через селфи.

Звонок из регистратуры: – Доктор, к вам женщина с попугаем! Говорит, он выучил слово «амиодарон»!

Лиза вздохнула, снимая с шеи игрушечный стетоскоп, который я не заметила за весь день: – Римма, готовься. Сейчас будем объяснять птице, что она не кардиолог.

Хороший терапевт должен уметь три вещи: ставить диагнозы, пить кофе холодным и находить выход, когда пациент приходит с говорящим попугаем вместо страхового полиса.

– Ты новенькая Римма. Поздравляю. Здесь либо сходишь с ума, либо становишься гением. Иногда и то, и другое. Наш формат общения называется «медицинский абсурд» – это, когда пациенты доводят тебя до крайности своей тупизны, и чтобы не сойти с ума, ты начинаешь применять в диалоге: колки, черный юмор, абсурд, аморальные шутки и все перемешивается в одном флаконе. Итог, твое общение и методы лечение становятся полным безумием. Короче, скоро привыкнешь.

4.

Вспоминаю свою практику в диагностической клинике, когда еще училась в колледже. Я стояла перед дверью кабинета, сжимая папку с историей болезни так, будто от нее зависела моя жизнь. Из – за стекла доносился приглушенный стук клавиатуры и голос доктора – саркастичный, как всегда.

– Заходите или будете дальше прилипать лбом к стеклу? – она даже не подняла головы, продолжая листать какие – то анализы.

– Пациент 34, мужчина, 42 года, – начала я, распахивая папку. – Поступил с температурой 39, кашлем и сыпью на ладонях. Пульмонолог говорит – пневмония, но антибиотики не работают.

– Сюрприз, – Доктор щелкнула ручкой по экрану монитора, где мерцали рентгеновские снимки. – Легкие чистые. Типично для нашей «типичной» диагностики.

Я сделала шаг вперед, чувствуя, как поджилки дрожат. Она ненавидела нерешительность.

– CRP зашкаливает, лейкоциты тоже. Сепсис?

– О, боже, – она наконец посмотрела на меня, прищурив карие глаза. – Сегодня в моде сепсис? Тогда почему у него нет тахикардии? Почему давление как у космонавта?

Я сглотнула. Доктор встала, подошла к доске с рентгенами и резко ткнула в одно из затемнений.

– Смотри. Сыпь – не аллергия. Температура скачет волнами. Печень увеличена. И что это, медсестра?

Мозг лихорадочно перебирал лекции. Вдруг мелькнуло:

– Бруцеллез? Он же фермер...

– Бруцеллез? – она фыркнула, но палец замер в воздухе. – Слабовато. Нет артралгии.

Нет потливости.

– А если... – я закусила губу, вспоминая ночные смены в инфекционке, – ...туляремия? Сыпь, лихорадка, гепатомегалия...

Тишина. Доктор медленно повернулась, изучая мое лицо как новый симптом.

– Туляремия, – повторила она, будто пробуя слово на вкус. – Кролики? Клещи?

– Он упомянул, что месяц назад снимал шкуру с зайца. Говорил, что тот «вяло сопротивлялся».

Доктор замерла. Потом резко схватила телефон:

– Лаборатория? Срочно ПЦР на францизеллу туляренскаю. И проверьте лимфоузлы – если есть бубоны под мышками, я лично куплю вам кофеварку.

Когда она положила трубку, в углу ее рта дрогнула едва заметная улыбка.

– Неплохо для зеленой сопки. В следующий раз начинайте с главного – анамнез, а не модные диагнозы.

Я кивнула, пряча улыбку в папку. – Доктор, я специализируюсь в области сестринского дело, зачем вы требуете с меня, то, чего я делать не буду.

– Это, для твоей кофеварки, чтоб она могла варить, знания никогда лишними не бывают.

5.

Переступала порог крыла больницы с смесью волнения и любопытства. Белый халат пах крахмалом, а в руках дрожал стаканчик кофе с надписью «Спасатель ночных смен». В регистратуре меня встретила Ольга Борисовна, старшая медсестра с прической «гулька» и взглядом, способным остановить тахикардию на расстоянии.

– Ну вот и новенькая! – протянула она, разглядывая меня как рентгеновский снимок. – Надеюсь, кофе – не единственное, что ты умеешь держать в руках?

– Э – э... Ещё могу перебинтовать и успокоить ипохондрика, – съёжилась я, пытаюсь шутить сквозь дрожь в голосе.

– Отлично, быстро учишься – Ольга хмыкнула.

В ординаторской меня уже ждали двое: Марина, медсестра с розовыми прядями в волосах и брелоком – сердечком на телефоне, и Игорь, санитар с бородой хипстера и футболкой «Не трогай меня, я вчера дежурил».

– Привет, я Марина! – девушка махнула рукой, и браслеты зазвенели, как колокольчики. – Если что, я тут отвечаю за уколы, сплетни и доставку пирожных из столовой.

– А я – за философские размышления у кофемашины, – добавил Игорь, делая глоток из кружки с надписью «Не реанимировать». – Сегодня, например, размышляю: если пациент орёт от вида шприца, это фобия или хороший слух?

Я рассмеялась, напряжение начало таять.

– Не слушай его, – подмигнула Марина. – Вчера он пытался «реанимировать» засохший кактус в процедурной. Говорит, тренировался на случай апокалипсиса.

– А разве мы имеем право находится в ординаторской? «Вроде тут могут находиться только врачи», – спросила я.

– Не переживай, у нас тут коммунизм. Власть принадлежит младшему персоналу, – ответила Марина.

Рабочий день пролетел в суматохе: дети плакали, бабушки ворчали на очереди, а Игорь между делом показывал мне «секретные» места больницы – от склада с загадочными банками 1980—х до кабинета УЗИ, где, по его словам, «водятся призраки недоделанных снимков».

– Ты ещё не видела нашего главврача, – шепнула Марина, когда они наконец сели перекусить. – Он ходит так медленно, что однажды часы на стене остановились, чтобы его не обогнать.

– Зато он разрешает нам бар по пятницам, – вставил Игорь, доедая бутерброд. – Кстати, сегодня пятница. Ты с нами?

Я, колеблясь кивнула.

Бар «У Гиппократы» оказался подвальчиком с табличкой «Здесь лечат похмелье юмором». За столиком, усыпанным солёными крендельками, компания смеялась над историями Игоря о пациентах:

– Один парень вчера спросил, можно ли сделать МРТ кота. Говорит, тот слишком часто спит в микроволновке – вдруг мозги повредил!

– А ты что? – фыркнула я, потягивая мохито.

– Предложил томограф в обмен на фото кота в Instagram. Теперь у нас новый талисман – @MR_I_Kitty.

Ольга Борисовна, неожиданно сменившая строгость на улыбку, подняла бокал:

– За Римму! Пусть её стаж здесь будет длиннее, чем очередь к хирургу в понедельник.

– И короче, чем истории Игоря! – добавила Марина.

Я смотрела на новых коллег, и мысль о том, что я боялась первого дня, теперь казалась смешной. Даже Ольга Борисовна, строгая днём, сейчас учила меня, как выбрать текилу «чтоб не стыдно в историю болезни заглянуть».

– Знаешь, – Игорь наклонился ко мне, пока Марина спорила с барменом о рецепте «Кровавой Мери», – здесь все немного сумасшедшие. Но это потому, что мы знаем: смех – лучшее обезболивающее.

– Уже заметила, – улыбнулась я. – Думаю, мне здесь понравится.

Мы вышли за полночь, договариваясь в следующий раз взять с собой Ольгу Борисовну на караоке. «Только представь, она споёт „Бурановских бабушек“ под рок!» – хохотал Игорь.

Я шла домой, думая, что место моей работы – это не только белые халаты и карточки, но и люди, которые превращают рутину в приключение.

6.

Каждый раз, вытирая следы йода с линолеума, я думаю о том, как многое в этой жизни оставляет невидимые отметины. Вот сейчас – желтое пятно от антисептика, а завтра его не будет. Но след от руки старика, который вцепился в мою ладонь, уходя в небытие, останется. Он кричал о прощении, хотя вокруг не было никого, кроме меня и мерцающего монитора. Кому он каялся? Богу? Себе? Стенам, которые десятилетия впитывали человеческие стоны?

Ночные дежурства научили меня слушать тишину. Не ту, что между гудками аппаратов, а ту, что внутри. Когда все спят, а ты стоишь у окна с чашкой остывшего кофе и видишь,

как город мигает красным на скорой помощи – будто сердце мегаполиса бьется в такт нашим катастрофам. Интересно, есть ли у боли цвет? У меня она сиреневая, как синяки под глазами после двух смен подряд.

Сегодня выписали девочку с ожогами. Она подарила мне рисунок: зеленое солнце и синяя трава. «Это мир глазами морфина», – сказала я санитарке. Та фыркнула: «Бред». А я вдруг поняла, что мы все здесь немного художники. Хирурги рисуют скальпелем жизнь на грани, терапевты штрихуют диагнозы пунктиром сомнений. А медсестры? Мы – те, кто стирает ластиком боль, чтобы другие могли дорисовать картину.

Иногда мне кажется, что смерть – не ангел с косой, а усталая медсестра из соседнего корпуса. Приходит беззвучно, поправляет подушку, гасит свет. «Не бойся, – шепчет она. – Это просто смена караула».

Перед утром заглянула в палату 307. Там лежит профессор – астрофизик, который забыл, как зовут жену, но помнит формулу темной материи. Он спросил: «Вы верите, что звезды чувствуют боль?» Я поправила капельницу: «Верю. Иначе зачем им взрываться?»

Уходя, услышала, как санитар ворчит: «Опять кровь на халате». Это не кровь. Это акварель. Карта битв, которые мы проигрываем и выигрываем каждый день. Завтра постираю. А сегодня – светит зеленое солнце за окном. И кто – то должен его заметить.

Марина, посоветовала иногда посещать курилку, там якобы работает сарафанное радио, много интересных новостей можно узнать.

Диалог между медсестрами Анной и Маликой в курилке:

Анна раздражённо бросает папку с документами на стул, – ты видела, что опять происходит? Сегодня утром привезли партию новых антибиотиков, а к обеду половины уже нет! И это после того, как главврач вчера хвастался своей новой машиной. Совпадение?

Малика вздыхает, поправляет халат, – Анна, ну что ты как ребёнок? Ты же знаешь, как тут всё устроено. Если начать копать, нас самих вышвырнут без рекомендаций. Да и кто поверит?

Анна, перебивая, – поверит? А пациенты, которые умирают из – за просроченных лекарств? Ты помнишь историю с Иваном Петровичем? Ему не хватило обезболивающего, потому что «закончилось»! А потом я видела эти ампулы в сумке у Саши из администрации!

Малика понижает голос, – и что ты предлагаешь? Пойти к главному и сказать: «Ваш заместитель ворует»? Ты думаешь, он не в доле? Здесь все покрывают друг друга. Даже если попытаешься жаловаться, тебя объявят сумасшедшей.

Анна сжимает кулаки, – Но мы же медсестры! Наша работа – спасать, а не молчать, пока они наживаются на чужой боли! Посмотри на Свету из хирургии – её повысили только потому, что она племянница главбуха! А сколько толковых коллег уволились из – за этой кумовщины...

Малика горько усмехается, – И что? Ты готова потерять работу? Или хочешь, чтобы твоё имя оказалось в чёрном списке всех больниц города? Я тоже ненавижу это, но у меня сын – инвалид. Мне нужны эти копейки, даже если они пахнут грязью.

Анна тихо, почти шёпотом, – а если собрать доказательства? Анонимно отправить в минздрав...

Малика резко оборачивается, – ты с ума сошла? Тут каждый кабинет прослушивается. Помнишь, как Лиду уволили за «утерю» бланков? Это было предупреждение. Здесь либо играешь по их правилам, либо исчезаешь.

Анна отворачивается к окну, – значит, мы просто будем смотреть, как они грабят тех, кто и так едва дышит? Как они...

Малика перебивает, и мягко говорит, – нет. Мы будем делать то, ради чего пришли – помогать людям. Украдут лекарства – найдём способ достать их через знакомых. Закроют глаза на нехватку – будем работать вдвое усерднее. Но выжить здесь можно, только не становясь героем.

– А совесть?

Малика берёт папку со стула, – совесть – это когда ты не даёшь пациенту умереть сегодня. А битву с системой оставь тем, у кого нет детей и кредитов.

Вот он внутренний конфликт между желанием бороться с несправедливостью и страхом последствий, этическая дилемма, знакомая многим в системе здравоохранения.

7.

В поликлинике пахло антисептиком и свежесваренным кофе. Я с стетоскопом на шее и папкой в руках, листала истории болезней у поста медсестер. Мои рыжие волосы были собраны в тугий пучок, а под глазами легли тени усталости – смена началась три часа назад, а поток пациентов не ослабевал.

Дверь кабинета терапевта приоткрылась, и доктор Лиза, теперь уже моя лучшая подруга, жестом позвала меня внутрь.

– Рим, как там наш «утренний концерт»? – спросил она, наливая в кружку густой чай. На столе уже лежали открытые карты пациентов.

– Полный аншлаг, – улыбнулась я, садясь напротив. – Первым в очереди – Петров, 6 лет. Температура 39, горло красное, мама говорит, что ночью кашель усилился. Думаю, ангина.

Лиза кивнул, делая пометку:

– Назначим мазок на стрептококк, но уже сейчас можно начать полоскания. А кто следующий?

Я перевела взгляд на список:

– Марья Ивановна, 78 лет. Жалуется на одышку и отеки. Давление 160/95. В прошлый раз ты корректировала ей дозу диуретиков...

– Проверь уровень калия и ЭКГ. Если показатели ухудшились, возможно, госпитализация, – она нахмурилась. – надеюсь эта карга не забывает принимать лекарства?

– Говорит, что старается, но возраст... – Лиза вздохнула. – Надо бы соцработника подключить.

– Да, договорись, пожалуйста.

Тишину прервал стук в дверь. Молодая женщина лет двадцати пяти, с нервно скрещенными руками, заглянула в кабинет:

– Простите, мне сказали подойти...

– Через пять минут, – мягко ответила Лиза, и девушка кивнула, закрыв дверь.

– Она уже третий раз за месяц, – продолжила я, понизив голос. – Панические атаки, бессонница. Направляли к неврологу, но она возвращается, говорит, что таблетки не помогают.

Лиза сняла очки, потирая переносицу:

– Стресс на работе?

– Развод, по-моему. Нужен психотерапевт, но она боится стигмы.

– Попробуем поговорить вместе. Иногда поддержка важнее рецепта...

Я кивнула, отмечая в блокноте, чтоб не забыть. Мы работали в тандеме уже полгода, и такие диалоги стали ритуалом – кратким, но емким обменом фактами и сочувствием. Иногда Лиза накладывала на меня свои обязанности терапевта, и не только она. Врачи могли брать обязанности младшего персонала, младший персонал брал на себя роль вершителей судеб, и это было по истине безумием.

Часто ловила себя на мысли, что пациенты стали чем – то вроде большой, шумной семьи. Не идеальной, но той, что держалась вместе вопреки всему.

Три месяца назад я впервые услышала о ней. В коридоре поликлиники, за чаем с мятой, медсестра шепотом обронила: «Она приносят покой. Как ангел». Ее глаза скользнули к окну, где тусклый свет падал на плакат с надписью «Милосердие – основа медицины».

«Ангел смерти» – она, приходила к тем, кто застрял между жизнью и болью, чьи голоса уже не могли крикнуть «хватит». Я думала, что это метафора, пока не увидела Маргариту Павловну.

Ей было 89. Рак, четвертая стадия. Каждый вдох – как нож под ребро. Дочь, приезжавшая раз в месяц, оставляла у дверей пакеты с обезболивающим и деньгами. «Сделайте что –нибудь», – сказала она тогда, не поднимая глаз.

Первый выезд. Дом был старым, пахло лекарствами и пылью. Пенсионерка открыла не сразу – голос за дверью дрожал, будто спрашивал пароль. Когда мы вошли, я увидела запустение: горы невымытой посуды, пожелтевшие рецепты на столе, фотографии детей в рамках, затянутых паутиной.

Лиза взяла на себя мягкость, которой я не ожидала: поправляла подушки, гладила Маргариту Павловну по руке, будто та была ребенком. Осмотр прошел быстро – гипертония, отеки, забытые таблетки. Пока Лиза выписывала бесполезное направление, я собирала мусор в пакет, стараясь не смотреть на полки с дешевыми безделушками. И тогда заметила.

Она стояла у комода, спиной ко мне, и что – то зажала в ладони. Я замедлила движения, краем глаза уловив движение: кусок пластилина, прижатый к ключу, лежавшему рядом с кружевной салфеткой. Лиза аккуратно сняла отпечаток, словно археолог, не желающий повредить артефакт. Ключ вернула на место, пластилин спрятала в карман халата.

– Лиза, – позвала я, и она вздрогнула. – Поможешь с сумкой?

Ее глаза встретились с моими на долю секунды – холодные, как сталь под слоем льда.

– Сейчас, – улыбнулась она Маргарите Павловне. – Вам нужно больше отдыхать, мы завтра пришлем соцработника.

На улице я ждала объяснений, сжимая руки в карманах, весенний ветер рвал листву, а Лиза шла молча, пока я не перегородила ей дорогу:

– Зачем ты это сделала?

Она замерла, потом достала пластилин.

– Ты не поймешь.

– Воровство? Шантаж? – голос дрогнул.

– Она умрет в одиночестве страдая от боли, если я не закрою дверь.

Я молчала, а она продолжала, не глядя на меня:

– Хочешь увидеть, какой силой обладают медики? Хочешь дотронуться до самой смерти?

Вторая поездка, через две недели. Глухая ночь. Я несла сумку с препаратами, чьи названия не значились в протоколах. Лиза, шла впереди, ее белый халат сливался с туманом за окном.

– Мы не убиваем, – сказала она, не оборачиваясь. – Мы закрываем дверь в нашем мире, и открываем дверь в новый.

Маргарита Павловна лежала в комнате: портрет мужа в форме, засушенные розы в вазе, запах камфоры. Она улыбнулась, увидев нас, и я поняла – ждала.

Лиза взяла ее руку, гладила прожилки, словно читая карту ушедших лет. Я готовила шприц, дрожащими пальцами набирая жидкость, похожую на слезы.

– Вы любили белые цветы? – спросила Лиза, и старушка кивнула, закрывая глаза.

После этого я не спала неделю. Видела ее лицо – не гримасу боли, а спокойствие, будто она наконец вспомнила, как дышать. Но потом были другие пациенты. Петр Николаевич с пролежнями до кости, который шептал «простите». Клавдия Ильинична, три года не видевшая солнца из – за слепоты. Каждый раз я повторяла: это не убийство. Это милосердие.

Теперь я ношу белые цветы в кармане. Не знаю, кому они – им, себе или тем, кто ушел, унося с собой кусочек моего сна. Лиза говорит, что рано или поздно приходится выбирать: быть медиком, который лечит, или тем, кто слушает тишину после последнего вздоха.

А я все чаще смотрю на свои руки, которые помнят вес шприца, и задаюсь вопросом: ангелы ли мы... или просто убийцы, затерявшиеся в серой зоне между «не могу» и «не должна»?

Кабинет в больнице, после сложного случая. Доктор Лиза сидит за столом, я стою у окна, выгляжу взволнованной.

– Римма, ты видела, как мучался пациент? Каждый вдох давался ему как последний... Иногда кажется, что мы продлеваем агонию, а не жизнь.

– Понимаю, но... Разве мы вправе решать, когда ставить точку? Он же не мог сам попросить...

– А разве вправе мы обрывать его на месяцы боли? Рак уже победил. Лечение лишь замедляет неизбежное. Разве это гуманно?

– А если бы это был твой родственник? Смогла бы ты... принять такое решение?

– Моя мать умерла от глиобластомы. Последние недели она не узнавала меня. Тогда я поклялся, что не позволю кому – то страдать так же... Но это не упрощает выбор.

– А если мы ошибёмся? Вдруг появится новый метод, шанс...

– Шансы иллюзорны. Мы лечим не болезнь, а страх – свой и родственников. Лиза подошла по ближе, – Ты помнишь, как просила обезболить Степанову, даже зная, что доза рискованна? Это тоже был выбор в пользу милосердия.

С дрожью в голосе ответила, – но там не было... окончательности. Теперь же речь о жизни и смерти. Я не Бог, чтобы её забирать.

Лиза кладёт руку мне на плечо, – мы ангелы смерти. Наша роль – быть тем, кто осмелится остановить часы, когда они тикают впустую.

– А что насчет полиции, не возникнут ли подозрения насчет нас?

– Не волнуйся, я действую аккуратно. Пациенты, которых я умертвляла, люди старые, препарат вызывает спокойную преждевременную смерть.

8.

Больничный коридор в три часа ночи – это отдельная вселенная. Я поправляла капельницу у 323 палаты, когда он заговорил. Голос Василия Дмитриевича, хриплый от бессонницы, прозвучал как скрип старой двери:

– Римма Александровна, вы в Бога верите?

Вопрос застал врасплох. Пациенты редко спрашивали о таком напрямую. Чаще – о прогнозах, таблетках, выписке. Я повернулась, встретив его взгляд – горячий, как угли в пепельнице.

– Медицина и религия плохие соседи, – ответила я, проверяя дренаж. – Мы отвечаем за тела, не за души.

– Эх, – он кашлянул, поправляя подушки. – Тело – то мое вы еле таскаете. А вот душа... Она просит ответа.

Василий Дмитриевич, 72 года. Рак поджелудочной, четвертая стадия. В палате – икона Казанской Божьей Матери на тумбочке, рядом с фотографией жены, умершей десять лет назад. Верующий атеист. Его вера была упрямой, как сорняк, пробивающийся сквозь асфальт.

– Вы думаете, смерть – это конец? – не отступал он.

– Думаю, мы светимся, как лампочки, – сказала я резче, чем планировала. – Щелк – и темнота.

Он засмеялся, и смех перешел в хрип.

– А я вот уверен, что Она там ждет. – Он кивнул на фото. – Говорит, грешник я, но... надеюсь.

Я сжала пальцы, вспомнив другую палату, три года назад. Моего отца, его руки, сжимавшие мою ладонь до последнего вдоха. Тогда я еще молилась – без слов, без икон, просто в пустоту. Ответом была тишина.

– Если Бог есть, – проговорила я, меняя физраствор, – почему он позволяет вам гнить заживо?

Василий Дмитриевич нахмурился, доставая из – под подушки четки.

– Странение очищает. Как огонь...

– Огонь оставляет пепел, – перебила я. – Или вы видели хоть одного святого в онкологии?

Тишина повисла, как туман. Он перебирал бусины, шелкая ими словно костяшками счет.

– Вы злитесь на Него, – сказал он вдруг мягко. – Потому что не смогли спасти кого – то.

Мои пальцы дрогнули, шприц упал на пол. Я наклонилась, пряча лицо, но он продолжил:

– Вы не виноваты. Смерть – не провал. Это... дверь.

– Дверь в никуда! – вырвалось у меня. – Вы верите в сказки, потому что боитесь признать: все это – случайность. Гены, экология, невезение!

Он протянул руку, кожу, обтянутую на костях, как пергамент.

– А вы боитесь, что я прав.

Я отступила к двери, чувствуя, как стены сжимаются. Монитор за его спиной замигал, сигнализируя о скачке давления.

– Вам нужен морфин? – спросила я, переходя на профессиональный тон.

– Нет, – он улыбнулся. – Мне хватило разговора.

Утром, передавая смену, я задержалась у его палаты. Василий Дмитриевич спал, четки сжаты в кулаке. На тумбочке лежала открытка – детский рисунок ангела с кривыми крыльями. Внутри почерком внучки: «Дедушка, мы все с тобой».

Я провела пальцем по крылу ангела, смазанному акварелью. Возможно, он и прав – некоторые двери стоит приоткрывать, даже если за ними лишь пустота. Хотя бы ради тех, кому нужна сказка, чтобы не сгореть по пути.

Смена закончилась. Такие дни бывают раз в неделю, когда все идет наперекосяк: пациенты с осложнениями, поломанный аппарат ИВЛ, нервные родственники, которые требуют невозможного. Когда часы наконец показали конец дежурства, Ольга Борисовна, наша старшая медсестра, вдруг сказала: «Идем в бар. Я плачу».

Мы переглянулись. Марина, с ее вечной усталостью в глазах, первая кивнула. Игорь, санитар с золотыми руками и циничными шутками, только хмыкнул: «Почему бы и нет?» И я, молодая медсестра, которая еще верила в идеалы, колебалась, но в итоге согласилась.

Бар был полупустым. Тусклый свет, деревянные столы, запах пива и жареных крылышек. Мы заняли угол, заказали виски, пиво и что – то покрепче для Ольги Борисовны. Первый тост был традиционным: «За выживших».

Но после второго бокала разговор пошел в другом направлении.

– Вы видели сегодняшнего дедушку? – начала я, крутя стакан в руках. – Того, который кричал, что мы его отравим?

– Ага, – Игорь усмехнулся. – Он мне сказал: «Доктор, я вам не верю». А я ему: «Дедуля, я вам тоже не верю. Выживете – значит, не врете».

Мы засмеялись. Даже Марина, хотя она тут же покраснела и попыталась скрыть улыбку за стаканом.

– Помните ту бабушку с диабетом? – подхватила Ольга Борисовна. – Которая говорила, что пирожные ест только по воскресеньям, потому что «Бог простит»?

– Ага, – фыркнула я. – Бог простит, а поджелудочная – нет.

– Эй, – Марина нахмурилась. – Вы же знаете, что она умерла на прошлой неделе у себя дома.

– Именно поэтому и можно шутить, – Игорь налил себе еще виски. – Иначе сойдешь с ума.

– А помните того парня? – я встряла в разговор. – Который пришел с жалобой на боль в животе, а оказалось, что он просто переел шашлыка?

– О, да! – Марина закатила глаза. – Он мне сказал: «Сестра, я думал, это аппендицит». А я ему: «Нет, это жадность. Она лечится только голодом».

Мы снова засмеялись. Ольга Борисовна на этот раз не сдержалась и присоединилась.

– А помните ту девушку? – Игорь поднял бокал. – Которая пришла с татуировкой «Любовь – это боль»?

– Да! – Ольга Борисовна фыркнула. – А потом она узнала, что у нее перелом руки, и сказала: «Теперь я знаю, что любовь – это действительно боль».

– Эй, – Марина снова нахмурилась. – Вы же знаете, что она сейчас в реанимации.

– Именно поэтому и можно шутить, – повторил Игорь. – Иначе сойдешь с ума.

Мы пили, смеялись, вспоминали. Черный юмор был нашим способом справляться с тем, что мы видели каждый день. Это был наш способ оставаться людьми в мире, где смерть и боль были частью рутины.

Когда бар начал закрываться, мы вышли на улицу.

– Завтра снова на смену, – вздохнула я.

– Да, – кивнул Игорь. – Но хотя бы сегодня мы смогли посмеяться.

Мы разошлись по домам, каждый со своими мыслями. Но знаете что? На следующий день мы снова были там, в больнице, готовые бороться за каждую жизнь. Потому что, несмотря на все шутки и цинизм, мы все еще верили в то, что делаем... лол это мир абсурдной медицины.

9.

Дождь стучит по подоконнику, как нетерпеливый пациент в дверях процедурной. Мы с Лизой закутались в один плед – старый, с выцветшими звездами, – который она когда – то принесла из дома «на всякий случай». Всякий случай наступил три бокала назад.

– Еще? – Лиза тянется к бутылке, наклоняя ее над моим стаканом. Капля вина падает на мою коленку, оставляя пятно, похожее на карту неизвестной страны.

– Ты же знаешь, завтра смена, – бормочу я, но не отодвигаю бокал.

Она смеется, и этот звук странно гармонирует с шумом воды за окном. Лиза всегда смеется так, будто проверяет – выдержит ли мир ее иронию.

– Помнишь того деда с переломом бедра? – она закусывает сыр бри, и я ловлю себя на мысли, что он похож на кусок кожи, которую мы сегодня снимали с пролежней. – Тот, что орал, будто мы садисты, когда поворачивали его на бок.

– А ты ему: «Дед, если бы мы были садистами, давно бы завели плетку вместо тонометра».

Мы хохочем, и вибрирующий плед сбрасывает на пол крошки сыра. В уголке, где тень от лампы не достает, лежит моя сумка с бинтами и шприцами. Как будто даже здесь, в этом уюте, работа не отпускает.

Лиза вдруг замолкает, вертит в пальцах стержень от винной пробки.

– Сегодня ко мне приходила дочь Семеновой. Спрашивала, больно ли мама умирала.

Дождь усиливается. Я представляю, как капли выбивают морзянку на стекле: жива – жива – жива.

– А ты? – спрашиваю, зная ответ.

– Сказала, что нет. Что она просто уснула.

Мы обманываем их. Мы обманываем себя. Лиза не упоминает, как Семенова цеплялась за ее руку в последние минуты, будто та была краем пропасти. Я не говорю, что до сих пор чувствую на ладонях вес той хрупкой кисти.

– Знаешь, что самое смешное? – Лиза допивает вино, оставляя на бокале отпечаток помады цвета застарелой гематомы. – Мы сидим тут, как нормальные люди. Едим сыр. Смотрим сериалы. А там, – она кивает в сторону больницы, невидимой за пеленой дождя, – у нас целые вселенные. Со своими законами, болью, смертями.

Я прижимаюсь к ее плечу. Халаты мы сняли, но запах антисептика въелся в кожу как татуировка.

– Иногда мне кажется, – шепчу я, – что мы просто играем. Врачи – в спасение, пациенты – в надежду. А настоящая жизнь – вот здесь. В дожде, в сыре, в твоём дурацком плеле.

Лиза молча наливает остатки вина мне в бокал. Потом поднимает свой – пустой – в тост:
– За параллельные миры. Чтобы они никогда не пересекались.

Мы чокаемся. Стекло звенит хрустально, обманчиво чисто. За окном дождь стихает, оставляя на асфальте отражения фонарей – как желтые таблетки, рассыпанные по мокрому полу ночи. Наш юмор как мост над пропастью отчаяния. Лиза уговорила меня пойти с ней в клуб.

Клуб был как больница, только громче. Световые лучи резали толпу, как скальпели, а бас бил в грудь, будто ЭКГ на максимуме. Мы с Лизой затерялись в этом хаосе, как две белые клетки в потоке крови.

– Ты уверена, что это хорошая идея? – кричу я ей в ухо, пытаюсь перекрыть музыку.

– Лучшая за неделю! – она смеется, поднимая бокал с чем – то ярко – синим. – Мы же не роботы, Рим. Давай жить!

Мы танцуем. Вернее, Лиза танцует, а я пытаюсь не выглядеть как пациент после инсульта. Но после второго коктейля даже я начинаю чувствовать ритм.

Именно тогда они подходят. Двое. Один – высокий, с улыбкой хирурга перед сложной операцией. Второй – пониже, с глазами, которые видели слишком много, чтобы верить в случайности.

– Вы тут часто? – кричит высокий, наклоняясь ко мне.

– Только по выходным, – отвечаю я, – когда не надо вытаскивать людей с того света.

Он смеется, и я понимаю, что он либо врач, либо психопат. Оба варианта подходят.

– Я – Андрей, – представляется он. – А это – Сергей. Мы из травматологии.

– Римма, – киваю я. – А это – Лиза. Мы из терапевтического ада.

Мы смеемся, и это странное чувство – будто мы все знаем друг друга годами. Может, это вино. Может, это общая усталость от жизни, где каждый день – это чья – то боль.

– Так вы, значит, спасаете жизни, а потом идете их губить? – подкалывает Сергей, указывая на наши бокалы.

– Ну, знаешь, – Лиза наклоняется к нему, – иногда лучше выпить, чем выписать.

Мы смеемся снова. Андрей рассказывает про пациента, который сломал ногу, пытаюсь прыгнуть с балкона, чтобы избежать жены. Лиза парирует историей про бабушку, которая притворялась мертвой, чтобы не платить за лечение.

– А у вас есть что – то аморальное в запасе? – спрашивает Сергей, подмигивая.

– О, у нас целый архив, – улыбаюсь я. – Например, как я однажды перепутала катетеры и чуть не отправила пациента в космос.

– А я как – то забыла про пациента в кабинете, – добавляет Лиза. – Он уснул, а я ушла. Проснулся через три часа.

– Ну и как? – интересуется Андрей.

– Сказал, что это был лучший сон в его жизни, – смеется Лиза.

Мы продолжаем болтать, смеяться, пить. Где – то между анекдотами про пациентов и шутками про секс я понимаю, что это наша терапия. Мы не можем спасти всех, но можем хотя бы спасти себя.

– Может, потанцуем? – предлагает Андрей, протягивая руку.

– Только если обещаешь не ломать себе ничего, – шучу я, принимая его руку.

Мы танцуем. Вернее, пытаемся. Лиза и Сергей где – то рядом, смеются над чем – то. Я чувствую, как мир вокруг становится мягче, как будто боль и смерть остались где – то далеко, за стенами этого клуба.

– Ты знаешь, – говорит Андрей, наклоняясь ко мне, – ты классная.

– Спасибо, – улыбаюсь я. – Ты тоже. Но если сломаешь себе что –нибудь, я тебя сама загипсую.

Лиза, с лицом уставшей богини чумы, уже третью рюмку текилы осушала со словами: «Если завтра на вскрытии найдут алкоголь – скажут, цирроз от работы».

Андрей и Сергей прилипли к нам у барной стойки, как два голодных клеща.

– Вы, девчонки, на медиков не похожи, – ляпнул Андрей, поправляя цепь на шее.

– А ты на человека, – парировала Лиза, разглядывая его, как гистологический препарат.

Решили «подышать воздухом». Улица встретила нас тухлым запахом из ближайшей подворотни и бродячей собакой, которая, кажется, уже неделю как не дышит. Сергей, внезапно оживившись, предложил: «Хотите, покажу классное место?».

Местом оказалась стройка с полуразрушенной будкой охраны. Внутри – куча медицинских перчаток, шприцы и плакат «Здесь был Вася» с кровавой красной гуашью подписью.

– Мы тут с Андрюхой практикуемся, – Сергей достал из рюкзака учебник анатомии. – Хотим в хирургию, но пока только крыс режем.

Лиза, не моргнув глазом, схватила ближайший лом: – Покажи, где тут у тебя аппендикс, – и ткнула им в живот Сергея. Тот побледнел, как труп под лампой морга.

– Эй, это же шутка! – заверил Сергей, но Лиза уже всю изображала экстренную трахеотомию на пакете из «Пятерочки». Я, как примерная медсестра, подыграла: вылила на асфальт йод из сумочки, на всякий случай ношу и завопила: – Пациент истекает Lipton'ом!

Андрей, решив, что мы психопатки, рванул к выходу, споткнулся о ту самую собаку и упал лицом в лужу. Лиза вздохнула: – Перелом клиновидно – ладьевидного сустава. Несите носилки.

– Носилки – это вы? – Сергей, похоже, уже жалел о всех жизненных выборах.

– Нет, – бодро ответила я, доставая из кармана бинты. – Но, если заплатишь, сделаем вид, что тебе интересно.

В итоге Андрей уехал на такси, хромая и бормоча что – то про «ненормальных», а Сергей попросил у Лизы номер «на случай, если что – то оторвется».

– Только если это не голова, – сказала она, стирая с ботинка пятно, похожее на мозги.

Наутро в академии я спросила Лизу: «Продолжим сегодня?».

– Только если новые трупы будут поинтереснее, – ответила она, заливая кофе в стакан с надписью «Я люблю патологоанатомов».

– Андрей, кажется, теперь ходит к мануальщику. Говорит, что после той ночи верит в реинкарнацию – мол, его позвоночник явно побывал в аду. Ну, хоть в кого – то вселили здравый смысл.

– Оу, а когда ты успела ципануть его номер?

– Ну, он вообще – то у меня взял, точнее слёзна умолял.

10.

Больничная курилка, поздний вечер. Две медсестры, Анна и Малика, курят у окна. Анна выглядит напряжённой, а Малика – спокойной, почти равнодушной.

Анна срывающимся голосом, – Ты знаешь, что сегодня было? пациента из третьей палаты отказались оперировать, пока его дочь не принесла конверт! Это же... это же бесчеловечно!

Малика равнодушно затягиваясь, – ну и что? Ты думаешь, хирурги за воздух работают? У них свои семьи, кредиты.

Анна вздрагивает, – ты серьёзно? Мы же клятву давали! Помогать людям, а не торговать их жизнями!

Малика с усмешкой говорит, – клятва? Это сказки для студентов. В реальном мире всё держится на деньгах. Ты хочешь, чтобы тебя уволили? Или того хуже – «случайно» перевели в инфекционку?

Анна тихо, но с вызовом, – а если бы это был твой отец? Ты бы тоже молчала?

– Мой отец умер четыре года назад. От рака. И знаешь, что я поняла? Мир несправедлив. Ты либо играешь по правилам, либо тебя выкидывают за борт.

– Но мы же можем что – то изменить! Если все начнут говорить, если пойдут в СМИ...

Малика перебивая с сарказмом, – о, да! Ты станешь героиней на пять минут, а потом тебя уволят, и никто даже не вспомнит твоё имя. А больница? Она останется такой же. Только хирурги станут осторожнее.

– Значит, ты просто смирилась?

– Я не смирилась. Я выживаю. Как и все, Малика выдерживает паузу, – Ты думаешь, я не вижу, как страдают пациенты? Но если я начну бороться, кто поможет моим детям? Ты?

Анна молчит, потом тихо говорит, – а если каждый будет думать только о себе, что останется от нас? От нашей профессии?

Малика берёт новую сигарету и отвечает, – останется то, что всегда было. Люди будут болеть, а мы – помогать. Кто – то за деньги, кто – то – из принципа. Но не строй иллюзий. Система сильнее нас.

Анна смотрит на часы, – мне пора. Дежурство.

– Иди. Только помни: герои долго не живут.

Идеализм и цинизм, желанием изменить систему и необходимостью выживать в ней.

Ольга Борисовна говорит, что здесь все сначала путают вены с артериями. «Ты не первая, – швыряет мне папку с историей болезни, – и не последняя». Ее голос – как звук рентгеновского аппарата: холодный, жужжащий, проникающий в кости.

Первый пациент: мужчина, лицо цвета мокрого асфальта. Диагноз – цирроз. Ольга Борисовна щелкает перчатками. «Снимай с него рубашку, – говорит, – и не смотри в глаза. Алкоголики любят рассказывать сказки». Его кожа липнет к моим пальцам, как испорченный пластырь. Он бормочет что – то о дочери, которая «учится на юриста». Ольга Борисовна втыкает катетер, не глядя. «Все они учатся на юристов. Потом исчезают».

Коридор пахнет антисептиком и страхом. Здесь воздух состоит из чьих – то последних выдохов. Ольга Борисовна называет это «терапией»: «Мы не лечим, мы замедляем. Как консервный завод для тел».

В палате №326 – женщина с отеками. Ее ноги похожи на перезревшие баклажаны. «Считай диурез, – бросает Ольга Борисовна. – И не верь, если скажет, что пила мало. Все врут». Женщина хватая меня за рукав: «Дочка, позовите священника». Ольга Борисовна смеется, доставая капельницу: «Бог здесь только в графе „причина смерти“».

Обед. В подсобке едим холодные котлеты, прижатые к стенке холодильником, который гудит, как умирающий. Ольга Борисовна разминает сигарету в стакане из – под кофе: «Ты ещё веришь, что спасаешь? Через месяц научишься отличать живых от трупов по звуку. Живые стонут громче».

Пятый этаж. Инфарктник, парень лет двадцати пяти. Ольга Борисовна щупает пульс, лицо каменное: «Запиши время. 16:48». Его глаза – как экраны с синим сигналом «Нет связи». Она выдергивает трубки, резко, будто рвет квитанции. «Смерть – единственное, что здесь не заставляет ждать в очереди».

Палата 323 пахнет старыми книгами и йодом. Василий Дмитриевич лежит, как музейный экспонат: седые брови метлой вверх, руки на одеяле – синие, узловатые, будто корни вывернутого дуба. На тумбочке – Евангелие, том Мопассана и пузырёк с «Корвалолом». Когда я вхожу, он поворачивает голову медленно, словно рискуя сломать шею. – Римма Александровна, – выдыхает, – а вы верите, что добро и зло – это реальные силы, или просто ярлыки, которые мы навешиваем на хаос? Лампочка над койкой мигает, как нерешительный свидетель. Старик снова прямо в лоб, без предисловий. Люблю это.

– Где в этом Бог? Если Он всемогущ и благ, почему дети умирают от рака? Или это Он – источник и добра, и зла?

– Римма Александровна, вы цитируете Ивана Карамазова. «Возвращаю билет» – помните? Но ответа у Достоевского нет. Есть только сомнение... и чаепитие с Алёшей. Смеётся, – А ты сама как думаешь?

– Думаю, что, если Бог допускает Освенцим, цунами и малярию – Он или не благ, или не всемогущ. Либо Его вовсе нет.

Василий, доставая яблоко, откусывает, – а если зло – плата за свободу? Как без возможности убить – понять ценность жизни? Как без боли – оценить радость?

– Это рационализация страдания! Вы бы сказали это матери, потерявшей ребёнка? «Ваша боль – часть великого замысла»?

– Нет. Но я бы молчал. Потому что логика бессильна перед горем. А что, если Бог – не кукловод, а... зеркало? Отражает нас самих. Мы творим ад на земле, а потом спрашиваем: «Где же Ты?»

– Тогда зачем молиться? Зачем верить?

– Может, чтобы не сойти с ума от собственной жестокости. Чтобы помнить, что мы способны и на другое. Василий кладёт яблоко на тумбу. Взгляни: червяк внутри него – это зло? Или просто часть цикла, который даёт жизнь новым деревьям?

Я стала разглядывать яблоко, – вы хотите сказать, что зло – иллюзия?

– Нет. Оно реально. Но, возможно, мы видим лишь один кадр из фильма... Вы когда – ни будь задумывались, почему в мифах столько богов – обманщиков? Может, Вселенная любит парадоксы.

– Это не ответ!

– А вы искала ответ?

Противостоянии рационального скептицизма и метафизической парадоксальности, всегда избегают однозначных выводов. В 323 палате так и веет философией.

Татьяна наша заведующая улыбается так, будто режет торт с человеческими пальцами вместо свечек. «Игорю в морге помощь нужна, – говорит, поправляя бейдж с криво наклеенной фоткой. – Ты же любишь... тишину». Её духи воняют дешёвым отбеливателем и завистью. Ольга Борисовна как – то обронила, что Татьяна дважды проваливала экзамен на патологоанатома. Теперь мстит живым.

Морг находится за третьей дверью с надписью «ТУАЛЕТ» – чья – то больничная шутка. Игорь встречает меня в фартуке, заляпанном чем – то между ржавчиной и вареньем. Руки у него в татуировках: на левой – анатомическое сердце с надписью «Верни долг», на правой – цитата из Достоевского, зачёркнутая корректором. «Римма? – хрипит он, закуривая над столом, где лежит тело без лица. – Поможешь взвесить грехи».

Тела здесь хранят в ящиках, как столовое серебро. Игорь объясняет, что морозильник глючит: «Вчера выплюнул бабку с пролежнями. Пришлось пристёгивать ремнями, как непослушного ребёнка в машине». Он тычет лопаткой для льда в грудную клетку трупа, выковыривая чёрные сгустки. «Смотри, – показывает мне кусок ткани, похожий на мокрую газету, – это печень. Мечта алкаша: можно залить, но нельзя прочитать».

Я спрашиваю, куда девать органы из переполненного ведра. «В суп, – серьёзно отвечает Игорь. – Столовая платит пять рублей за килограмм». Потом смеётся, и звук этот напоминает вибрацию стиральной машины, в которой забыли кота.

Татьяна звонит на стационарный телефон – трубка в жирном пятне. «Ну как, подруга? Игорь уже показал свою коллекцию пуповин?» Игорь вырывает трубку, целует её с мокрым чмоком: «Танюш, ты мне медсестру прислала или новую подопытную?»

В углу стоит холодильник с напитками. Открываю – внутри банки с надписью «Экстракт меланхолии 40%». Игорь наливает в стаканчик от йогурта: «Для смелости. Мёртвые не жалуются на запах изо рта». Пью. На вкус – лимонад с привкусом формалина.

«Знаешь, почему тут нет мух? – Игорь размазывает по столу жидкость из пробирки. – Онидохнут от скуки». Он рассказывает, как месяц назад к нему попал подросток с татуировкой «Мама, прости» на ребрах. «Сделал скидку на кремацию. Высыпал пепел в мамин суп. Говорит, теперь у неё изжога совести».

Вдруг он хватается за мою руку, прикладывает к груди мертвеца. «Чувствуешь? Тишина. Они все такие – закончили спорить, врать, требовать. Идеальные пациенты». Его палец тычет в мою ладонь, как шприц: «Ты ещё кипятишься, а это лечится. Один день здесь – и ты станешь...»

Сирена. Привезли новое тело. Игорь уходит, оставляя меня с женщиной, у которой вместо глаз – пуговицы. В кармане её халата записка: «Простите, что без предупреждения».

Возвращаясь, Игорь несёт поднос с инструментами. «Слушай, – говорит, – передай Татьяне: её мать в холодильнике №4 начала разлагаться громче обычного. Пусть сменит дезодорант».

Уходя, замечаю на полу зуб. Игорь пинком отправляет его в сливное отверстие: «Не волнуйся. Он молочный».

На проходной Ольга Борисовна жуёт бутерброд с сыром, смотря на мои запачканные сапоги: «Ну что, научилась отличать селезёнку от совести?»

11.

Лиза стоит у кровати пожилой женщины Марфы Петровны, которая уже много месяцев страдает от неизлечимой болезни. Я держу в руке шприц с препаратом, который должен прекратить страдания пациентки. Её лицо спокойно, но в глазах – глубокая внутренняя борьба, медленно ввожу препарат, а Лиза садится рядом, ожидая, когда он подействует. Марфа Петровна слабо открывает глаза.

Марфа Петровна слабым голосом, – Лиза... что это? Я чувствую... так легко...

Лиза тихо говорит, – это конец ваших страданий, Марфа Петровна. Вы больше не будете мучиться.

Марфа Петровна смотрит на неё с удивлением, но без страха, – ты... ты сделала это сама? Зачем?

Лиза смотрит в сторону, затем прямо в глаза, – потому что я не могла больше смотреть, как вы страдаете. Каждый день, каждую минуту... Вы кричали во сне, плакали, просили о смерти. Кто – то должен был взять на себя этот грех.

Марфа Петровна слабо улыбается, – грех... Ты думаешь, это грех?

Лиза сжимает руки, – а разве нет? Я взяла на себя право решать, когда вам уйти. Кто я такая, чтобы играть роль Бога?

– Ты не Бог, Лиза. Ты просто человек... который пожалел другого человека.

У Лизы начинает дрожать голос, – Но разве это оправдание? Разве можно убивать из жалости?

– Жалость... это ведь не всегда слабость. Иногда это сила. Ты дала мне то, чего я сама не могла попросить.

Лиза начинает плакать, – но что, если я ошиблась? Что, если это неправильно?

Марфа Петровна слабо протягивает руку, – ты сделала это не из зла, Лиза. Ты сделала это из любви. Разве это не главное?

Лиза взяла её руку, – любовь... Но разве любовь может быть такой?

Марфа Петровна медленно начинает закрывать глаза, – Любовь бывает разной... Иногда она жестока, иногда милосердна. Ты выбрала милосердие.

– Простите меня...

– Не проси прощения... Благодарю тебя...

Когда Петровна ушла в мир иной, я спросила Лизу, зачем она устраивает душу раздирательные сценки. С легкостью вытирая слезы, она равнодушно ответила, – ну, надо же испо-

ведаться и попросить прощения. Очистить совесть. А теперь поедем ко мне, курнем травки, посплетничаем.

Дым висел в квартире Лизы плотнее, чем запах формалина в морге понедельника. Мы с ней валялись на полу, обложившись подушками с надписями «Я люблю СПИД», подарок коллег на день рождения, и передавали друг другу самокрутку, скрученную из страниц брошюры «Секс без последствий». Лиза, выпуская дым кольцами, философствовала:

– Сергей целуется, как реаниматолог на дежурстве. Рот открывает – будто интубационную трубку вставляет.

– Зато Андрей, – фыркнула я, тыча пальцем в потолок, где висел плакат с мышцами человека, – в постели ведет себя, как студент – первокурсник на экзамене по проктологии. Все время спрашивает: «Тут так надо? А это нормально?».

Лиза закатила глаза, доставая из – под дивана банку с надписью «Печеньки», внутри – глицин и сигареты, – Вчера Серёга прислал мне голый торс. Фото такое тусклое, будто его делали через микроскоп на препарате «Эпителий алкоголика». Написала: «Милый, у тебя ребра проступают, как у Бетховена на эксгумации». Он обиделся.

Травка, похоже, была выращена где – то между палатой интенсивной терапии и адом. Я, глядя на пятно на потолке, внезапно осознала:

– Андрюшка, когда снимает носки, напоминает мне вскрытие гангрены. Тот же звук. А помнишь, как твой Серый пытался засунуть тебе руку под кофту в кино? – Лиза скривилась, будто лизала электрод. – Я думала, ты ему сейчас дренаж поставишь через пупок.

Разговор плавно перетек в плоскость «а что, если». Лиза, размазывая пепел по столу в форме сердца, предложила:

– Давай устроим эксперимент. Позовем их на ужин, накормим супом с валерьянкой и посмотрим, кто первым начнет выть на луну или слизывать обои.

– Или, – добавила я, вспоминая вчерашний вызов на вскрытие, – засунем им в карманы пробирки с мочой. Скажем, это тест на интеллект: «Угадай, чья это?».

Мы заготовили, как гиены на лекции по эвтаназии. Лиза вдруг замерла:

– Слушай, а ведь твой Андрей в постели наверняка использует те позы, что в учебнике по травматологии. «Миссионерская» – перелом копчика, «раком» – протрузия дисков...

– Не, – перебила я, – он как та хирургическая перчатка: одноразовый, скрипит и вечно рвется в самый ответственный момент.

Потом мы полчаса ржали над тем, что Андрей, наверное, называет свои «причиндалы» медицинскими терминами. «Пенис? Нет, это катетер для души, детка».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.